ихъ труда. Тѣмъ не менѣе, она всецѣло основана на свободномъ договорѣ — каждое государство, каждая желѣзнодорожная кампанія, участвующая въ этой организаціи, дѣлаетъ это добровольно безъ всякаго внѣшняго принужденія. Отсюда видно, что принудительная власть вопреки мнѣнію коллективистовъ, отнюдь не есть необходимое условіе сложнаго общественнаго сотрудничества.

Кропоткинъ—противникъ какой бы то ни было организаціи обмѣна, а также и какой бы то ни было системы денегъ. Обмѣнъ будетъ происходить въ анархическомъ обществѣ очень просто: „Пусть городъ—говоритъ онъ—выдѣлываетъ тѣ вещи, которыхъ не хватаетъ крестьянамъ, вмѣсто того, чтобы изготовлять разныя бездѣлушки для украшенія буржуазныхъ женщинъ. Пусть на швейныхъ машинахъ въ Парижѣ шьютъ рабочія и праздничныя одежды для деревенскихъ людей, вмѣсто того чтобы шить свадебное приданое, пусть на заводахъ дѣлаютъ земледѣльческія машины, лопаты и кирки, вмѣсто того, чтобы ожидать ихъ отъ англичанъ въ обмѣнъ на наше вино. И пусть городъ посылаетъ въ деревню не коммиссаровъ, опоясанныхъ въ красные или трехъ-цвѣтные пояса, которые приказывали бы крестьянамъ доставить свои продукты въ такое-то мѣсто, но пусть по деревнямъ отправляются изъ города друзья, братья, которые говорили бы крестьянамъ „несите намъ свои издѣлья, и берите въ нашихъ магазинахъ всѣ мануфактурныя издѣлья, которыя вамъ понравятся". И тогда деревенскія издѣлья въ изобиліи появятся въ городахъ. Крестьянинъ сохранитъ себѣ все, что ему нужно, а остальное отдастъ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ, въ первый разъ за все время исторіи, онъ увидитъ друзей, а не эксплоататоровъ".

Такимъ простымъ способомъ, безъ всякой внѣшней организаціи установится обмѣнъ продуктами. Производство будетъ такъ же свободно, какъ и обмѣнъ. Всякій будетъ производить, что хочетъ, и пользоваться продуктами, по мѣрѣ своихъ потребностей, если продукты имѣются въ избыткѣ, и въ равной долѣ съ другими, если продуктовъ не хватаетъ въ желаемомъ количествѣ на всѣхъ.

Но на ряду съ этой картиной хаотической всеобщей свободы, Кропоткинъ выдвигаетъ и нѣсколько иной планъ общественнаго хозяйства. А именно, онъ предлагаетъ, чтобы каждый членъ общества въ возрастѣ отъ 20 до 45 или 50 лѣтъ добровольно согласился работать въ сутки по 5 часовъ въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя общество признаетъ необходимыми. Взамѣнъ этого общество обезпечиваетъ каждому своему члену полный достатокъ и свободное пользованіе продуктами общаго труда.

Но что, если нѣкоторые члены этого общества не пожелаютъ работать? Въ такомъ случаѣ общество признаетъ свой договоръ съ неработающимъ членомъ нарушеннымъ и предоставляетъ его своимъ собственнымъ силамъ; пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ, а общество не считаетъ себя связаннымъ съ нимъ какими бы то ни было обязательствами.

Таковъ анархическій общественный строй по представленію Кропоткина. Легко замѣтить, что нашъ теоретикъ коммунистическаго анархизма колеблется между двумя противоположными точками зрѣнія. Какъ анархистъ, онъ требуетъ абсолютной свободы и, слѣдовательно, свободы для каждаго работать, что вздумается, какъ вздумается и сколько вздумается, или даже совсѣмъ не работать; но какъ коммунистъ, онъ понимаетъ, что такой порядокъ вещей противорѣчитъ требованію равенства, такъ какъ не добросовѣстный и не желающій работать будетъ при этомъ жить на счетъ труда работающаго и добросовѣстнаго. И вотъ, чтобы избѣгнуть этой формы эксплоатаціи труда, Кропоткинъ предлагаетъ, чтобы всѣ члены общества добровольно обязались работать 5 часовъ въ сутки; кто же не пожелаетъ исполнить этого обязательства, тотъ можетъ убираться на всѣ четыре стороны. Но такъ какъ убраться человѣку изъ человѣческаго общества некуда, развѣ въ могилу, то, очевидно, предлагаемый Кропоткинымъ добровольный договоръ личности съ обществомъ есть та же принудительная власть общества надъ личностью, противъ которой Кропоткинъ возстаетъ.

Не трудно показать всю обманчивость примѣровъ Кропоткина, которыми онъ пытается доказать, что самое сложное общественное сотрудничество возможно на основѣ совершенно добровольнаго соглашенія. И международное желѣзнодорожное движеніе и всемірный почтовый союзъ покоится не на свободномъ договорѣ, а на принудительной общественной силѣ. Правда, отдѣльныя компаніи, отдѣльныя государства добровольно вступаютъ въ соглашеніе. Но Кропоткинъ забываетъ, что каждая желѣзнодорожная компанія, каждое государство исполняетъ свое дѣло при помощи не добровольцевъ, а наемныхъ рабочихъ, которые работаютъ не изъ любви къ труду, а подъ угрозой голода. Желѣзная дисциплина сковываетъ армію рабочихъ каждой желѣзнодорожной компаніи и только благодаря этой дисциплинѣ отдѣльныя компаніи такъ легко согласовываютъ движеніе своихъ поѣздовъ. Непонятно, какимъ образомъ въ добровольныхъ соглашеніяхъ капиталистовъ, обладающихъ принудительной властью надъ арміями наемныхъ рабочихъ, Кропоткинъ усматриваетъ доводъ въ пользу возможности сложныхъ хозяйственныхъ организацій безъ всякой принудительной власти.

Вотъ если бы Кропоткинъ привелъ примѣръ добровольнаго сотрудничества сотенъ тысячъ рабочихъ, безъ всякаго общественнаго контроля и принудительнаго руководительства, этотъ примѣръ былъ бы сильнымъ доводомъ въ пользу возможности анархическаго общества. Но, конечно, такого примѣра Кропоткинъ не могъ бы привести, такъ какъ вполнѣ анархическій строй—и это нужно твердо признать—есть безусловная невозможность.

Невозможность анархическаго строя коренится даже не въ природѣ человѣка, а еще глубже. Природа человѣка измѣнчива и можно допустить, что когда-нибудь своекорыстныя чувства совершенно исчезнутъ въ душѣ человѣка и люди будутъ ставить общіе интересы выше своихъ собственныхъ, готовы будутъ на всевозможныя добровольныя жертвы для общества. Допустимъ это, какъ ни далеко еще отъ насъ это время. Но даже и въ обществѣ самыхъ самоотверженныхъ людей общественное хозяйство не можетъ быть анархичнымъ.

Все дѣло въ томъ, что въ общественномъ хозяйствѣ необходима строгая пропорціональность частей. Общество нуждается въ опредѣленномъ количествѣ хлѣба, мяса, тканей, желѣза, стекла, дерева и т. д. и т. д. Если желѣза или мяса или дерева изготовлено больше, чѣмъ нужно, то излишнее количество, относительно, по крайней мѣрѣ, безполезно. Въ настоящее время, при капиталистическомъ хозяйствѣ, эта пропорціональность производства достигается весьма сложнымъ образомъ черезъ посредство рынка, путемъ колебанія рыночныхъ цѣнъ товаровъ. Когда капиталистическое товарное хозяйство исчезнетъ, то пропорціональность общественнаго производства должна достигаться путемъ планомѣрнаго распредѣленія общественнаго труда. Безъ этой планомѣрности немыслимо общественное хозяйство, а эта планомѣрность можетъ быть создана только общественнымъ руководительствомъ всего общественнаго процесса производства.

Если каждый будетъ производить, что ему вздумается, какъ это предлагаютъ всѣ анархисты (въ томъ числѣ и Прудонъ—его планъ мѣноваго банка несостоятеленъ именно потому, что организація обмѣна еще не обезпечиваетъ пропорціональности общественнаго производства), то будутъ изготовляться не тѣ продукты и не въ такихъ пропорціяхъ, какъ это требуется обществомъ, и, слѣдовательно, общество будетъ терпѣть экономическую нужду, голодать, благодаря неорганизованности общественнаго производства. Анархія производства въ строѣ будущаго, при отсутствіи тѣхъ силъ, которыя въ настоящее время обезпечиваютъ хотя и весьма грубую пропорціональность общественнаго хозяйства, равносильна уничтоженію всякаго хозяйства, а слѣдовательно и общественной смерти.

Анархическое производство мыслимо лишь при одномъ условіи: если каждый будетъ изготовлять всѣ предметы своего потребленія. При этомъ условіи, равносильномъ уничтоженіи всякаго общественнаго сотрудничества, надобность въ пропорціональности общественнаго

хозяйства исчезаетъ, какъ исчезаетъ и самое общественное хозяйство. Годвинъ обнаружилъ глубокое пониманіе дѣла, признавъ одной изъ предпосылокъ своего анархическаго общества такіе колоссальные успѣхи техники, при которыхъ каждый человѣкъ могъ бы собственными силами, безъ помощи другихъ, производить самыя трудныя работы. Но тутъ уже мы совершенно отрываемся отъ реальной почвы и вступаемъ въ область безбрежной фантазіи.

Поэтому, нѣтъ основанія думать, что когда-либо человѣчество достигнетъ анархизма—полной свободы личности отъ общественнаго контроля. Напротивъ, слѣдуетъ ожидать, что пока будетъ существовать общество, до тѣхъ поръ будетъ оставаться въ силѣ и необходимость въ общественномъ контролѣ общественнаго хозяйства, въ общественной организаціи труда.

Однако, анархизмъ не лишенъ извѣстнаго положительнаго значенія. Централистическій соціализмъ, какъ я уже указывалъ, таитъ въ себѣ опасность деспотизма большинства надъ меньшинствомъ. Анархизмъ, выставляя начало безусловной свободы личности и полной независимости ея отъ воли большинства, является какъ и федералистическій соціализмъ, противовѣсомъ противъ этой опасности. Всякое человѣческое общество заключаетъ и всегда будетъ заключать въ себѣ непримиримое противорѣчіе личности и общества. Общество состоитъ изъ личностей, но и личность человѣка выростаетъ и слагается изъ общественныхъ вліяній. Поэтому, какъ немыслимо человѣческое общество, въ которомъ бы личная свобода совершенно отсутствовала и человѣческая личность превратилась изъ самостоятельной цѣли въ себѣ въ простой органъ общества (подобно тому, какъ это мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ животныхъ колоніяхъ, напр., въ колоніяхъ морскихъ животныхъ медузъ, въ которыхъ нѣкоторыя особи исполняютъ роль органовъ питанія, другія—органовъ размноженія, третьи—органовъ нападенія и защиты и т. д.), точно также немыслимо общество, слагающееся изъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга, вполнѣ свободныхъ отъ общественнаго контроля личностей. Между этими двумя неизмѣнными началами всякаго человѣческаго общества—личнымъ и общественнымъ началомъ—существуетъ внутренній, неустранимый антагонизмъ: съ одной стороны, личность стремится сбросить съ себя общественныя путы, достигнуть возможно большей свободы, съ другой стороны общество стремится возможно полнѣе подчинить своимъ интересамъ личность. Но такъ какъ и личное и общественное начало одинаково присущи всякому человѣческому обществу, то борьба того и другого никогда не можетъ завершиться полнымъ торжествомъ одного начала надъ другимъ. Совершеннымъ общественнымъ строемъ будетъ такой, въ которомъ возможно болѣе полная свобода личности будетъ достигнута при воз-